

ДА БУДУТ НОВЫЕ ВСТРЕЧИ!

БЫЛ ВЕЧЕР и три удивительных часа, когда с подмостков костромской сцены звучал Островский на татарском языке. Зная пьесу, можно было не прибегать к наушникам, чтобы слушать перевод. И так было ясно, о чем говорит в начальном монологе детище ненаглядное Большовых — Олимпиада Самсоновна, или просто Липочка, «у коей все мужчины в глазах-то прыгают». И все кружится она в томительном вальсе, и напевает, и сканет ездой, а перед взором затуманенным: усы, эпюлеты, мундиры...

А чуть позднее появится здесь пробойная сваха Устинья Наумовна и так обольстительно будет звать всех «бралинянтовыми», «изумрудными», «серебряными», и пообещает Липочке отыскать жениха благородного, чтобы мухортиком не был, да беспрерывно был одет по-журнальному...

Пьеса эта, которую показал на костромской сцене Татарский ордена Ленина академический театр им. Камала, называется «Свои люди — сочтемся». Она была написана молодым Александром Островским, когда он, говоря сегодняшним языком, являлся «начинающим драматургом». Первый крупный драматургический опыт принес автору и большую радость признания, и одновременно огромную горечь. Пьеса подверглась запрету, о ней не позволялось упоминать в печати.

В те неласковые дни, когда молодой драматический писатель попал под зоркое и холодное око полиции, Тарас Шевченко писал в своем дневнике: «...будто бы комедия Островского «Свои люди — сочтемся» запрещена на сцене по просьбе московского купечества. Если это правда, то сатира, как нельзя более, попала в цель».

Но это история. А сегодня гости из Татарии показывают нам бессмертную комедию Александра Николаевича Островского.

Сплошной обман, большое и малое, мошенничество правят в

доме купца Самсона Силыча Большова. Деньги, деньги, деньги. Их видит в своих дремучих снах хозяин дома, о них денно и нощно мечтает его приказчик Подхалюзин, который тихо и благородно обирает патрона. И страстно горят глаза у мальчика Тишки при виде плохо лежащего платана. И сваха Устинья Наумовна стремится урвать хоть парочку червонцев, и стряпчий Рисположенский, душа прохиндейская, на любую подлость готов ради трешницы.

Смешной и трагический мир людей, где «всякий норовит тебя за ворот ухватить». И, вычитав из газетки о мнимых банкротсах, решится на этот шаг Самсон Силыч. И доверится благодетельствованному им когда-то смиренному на вид Лазарю Елизарычу, и все состояние на него запишет, чтобы от долгов уйти, и Липочку, об усах и эпюлетах мечтавшую, за своего приказчика выдаст. И вечно обманывая, сам будет жестоко обманут.

Актеры из Татарии хорошо почувствовали и передали дух этой трагикомедии Островского, ее острую и яркую обличительную силу.

Роль Самсона Силыча трудна и сложна, однако ее исполнитель А. Ш. Шакиров лепит ее крупно, и с каждой сценой все ярче вырисовывается образ одного из властителей темного царства. Особенно впечатляет игра актера в финале, когда обманутый и отверженный Большов под ледяными взглядами «своих» людей уходит туда, где ждет его в недалеком будущем каторжная Сибирь...

Ах, прелесть, ах, душечка Олимпиада Самсоновна! И кто мог знать, что в этой воздыхательнице, знающей несколько французских красивых фраз, бренчащей на фортепьянах, таится столь хищная и расчетливая душа. Хотя что же еще можно было ожидать от нее, когда с малых лет она видела в доме обман и подлость? Актриса Г. С. Исангулова мастерски показывает метаморфозу Липочки, ее выход на заветную орбиту — где много денег, но где нет счастья. Хотя призрак его вроде бы бродит в новом жилище супругов Подхалюзинных. Но ведь у них свое понятие о счастье...

А вот и сам Лазарь Елиза-

рыч... И «тятенкой» восторженно называл он Большова, и на колени падал, когда нужно, и по-собачьи преданно смотрел на хозяина его светлые глаза (ангел, да и только). Но как преобразился он в последней сцене! И чисто выбрит, и скруток что надо. Вот только рубаха приказчицы торчит, ясно говоря, что остался он все тем же Лазарем... Только ныне он силен! Теперь уже около него вьется мелким бесом Тишка и любому горло перегрызет, кто поднимет руку на нового хозяина.

Роль Лазаря Елизарыча Подхалюзина — несомненная удача артиста Н. И. Дунаева, который, кстати, является переводчиком пьесы Островского на татарский язык.

Есть в комедии один образ, стоящий как бы особняком, — это образ стряпчего Сысоя Псойича Рисположенского. Есть в нем что-то этакое жалкое, униженное, обидное для человеческого звания. И руки у него постоянно трясутся от каждодневных волнений, хотя Подхалюзину он говорит, что происходит эта беда от житейских забот. «А я так полагаю, оттого, что народ грабите. За неправду бог наказывает», — ввертывает Лазарь Елизарыч.

Но стряпчий пьян, однако хитер: «Где нам грабить! Дешевки наши маленькие. Мы как птицы небесные по зернышку клюем». И совсем Рисположенский не птица небесная, а стреляный воробей, хотя и проведет его Подхалюзин на мякине...

То, что сделал в этой роли народный артист РСФСР и ТАССР Ф. И. Халитов, просто великолепно. Это украшение спектакля наших гостей.

Интересный, сочный образ свахи Устиньи Наумовны создавала заслуженная артистка РСФСР и народная артистка ТАССР В. Е. Минкина. Запомнились зрителям исполнитель роли Аграфены Кондратьевны (народная артистка ТАССР М. Г. Миннибаева), Фоминышны (заслуженная артистка

ТАССР Г. Н. Нигматулина, Тишки (артист Р. М. Шамкаев). Спектакль поставил главный режиссер театра заслуженный деятель искусств ТАССР Марсель Селимжанов.

Когда отзвучали аплодисменты и актерам были вручены цветы, я встретился с постановщиком спектакля.

— Мы живем на берегах одной реки, — сказал Марсель Хакимович, — но в Кострому приехали впервые. Мы очень рады, что нам посчастливилось принять участие в театральном фестивале, посвященном 150-летию со дня рождения Островского, побывать на той земле, где родились многие его прекрасные пьесы. Надо сказать, что у нашего театра, кстати, одного из старейших в Татарии, давняя и преданная любовь к произведениям великого драматурга. Через два года мы будем отмечать 70-летие нашего театра. Нам особенно приятно сказать костромичам, что в 1905 году первой пьесой, поставленной первым татарским театром, была комедия Александра Николаевича Островского «В чужом пиру похмелье». И с той поры в каждом сезоне идут его пьесы. Наш театр ставил «Грозу», «Последнюю жерт-

ву», «Бедность не порок», да трудно все перечислить. Мы любим Островского и считаем его самым современным драматургом.

— Моя тяга к его пьесам, — продолжает Марсель Хакимович, — началась давно, еще в ту пору, когда я учился у прекрасного русского режиссера Андрея Михайловича Лобанова, чьи постановки пьес Островского всегда были событием в театральной жизни страны. Мне довелось ставить у нас в Татарии «Бесприданницу», «Бешеные деньги», «Последнюю жертву». И вот четвертый мой спектакль — «Свои люди — сочтемся». Эту пьесу я решил поставить потому, что, несмотря на ее известность, о ней много пишут, но мало ставят. А она заслуживает долгой жизни, она имеет и современное значение. А то, как она получилась в моей постановке, судить зрителю.

...И зритель сказал свое слово: он тепло принял умный, яркий и талантливый спектакль наших гостей из Татарии.

Был вечер. И были три часа свидания с настоящим Островским.

Да будут новые встречи!
А. ПРИЖАЛКОВСКИЙ.

В парке усадьбы-музея А. Н. Островского в Щелыкове.

Рис. К. Барышникова.